

редуцированные гласные удерживались особенно долго (на севере и северо-западе), развившийся за плавным вставочный звук мог уравниваться со слогаобразующим глухим, подобным гласному перед плавным (ср. *вьръхъ* > *верѣх*, *стѣльбъ* > *стѣлоб*).

Далее здесь проходит еще т. наз. третье полногласие. Под этим термином понимаются сочетания *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-* в положении между согласными, возникшими уже в исторический период на месте этимологических сочетаний *-ор-*, *-ол-*, *-ер-*, *-ел-* при прояснении неорганического гласного после сонорного (ср. др.-русск. *скоропѣя*; диал. *верестливый* «с мелкими камешками», *кережак* «скряга», *болован* «болван», *пелемени*, *пелемяшки* „пельмени“...). Сюда относят и образования с аналогичным классическому полногласию сингармонизмом между этимологическим и новым гласным: *баракан* «баркан», *каразаннй* «вяленый», *марамыга* «насекомое». Более того, наличие в русск. яз. пар *плáмя* — *поль́мя*, *шлем* — *шелу́м* относят авторы также в круг слов с третьим полногласием. В заключении данного раздела авторы полагают, что вопрос о третьем полногласии в русск. яз. остается в настоящее время пока открытым. Требуется более тщательное изучение территории распространения этого явления, выявления круга слов, которые его развивают.

Предлагаемая работа предназначена особенно для студентов университетов в качестве учебного пособия. Поэтому теоретический материал в нем сопровождается упражнениями для самопроверки и самостоятельных наблюдений. Упражнения построены на фактах, извлеченных из др.-русских текстов.

Алеш Бранднер

Жолобов, О. Ф.: Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, «Универс», 1997, 114 стр. (ISBN 5-900044-04-1).

В др.-русск. яз. были три числа — единственное, множественное и двойственное. Наличие трех чисел было унаследовано др.-русск. яз. от праславянского, в котором это, в свою очередь, было общиндоевропейским наследством. Судьба дв. ч. была, конечно, общей для всего др.-русск. яз. как с точки зрения его территориальной распространности, так и с точки зрения его грамматической структуры: дв. ч. было утрачено во всех диалектах др.-русск. яз. и во всей его морфологической системе (остались, однако, некоторые следы в совр. русск. яз.). Утрата дв. ч. и возникновение противопоставленности лишь ед. и мн. чисел — это результат развития человеческого мышления от представления о конкретной множественности к абстрактной.

В предлагаемой книге автором изложены результаты исследования дв. ч. в др.-русск. яз., т. е. в период с XI по XIV в. Динамика дв. ч. впервые соотносится с общеславянским контекстом функционирования дуальных форм. Работа состоит из четырех глав. Первая («Типологические данные. Генетическая мотивация двойственного числа», с. 3–8) имеет характер введения. В ней объясняется, что дв. ч. на той или иной ступени исторического развития представлено в большинстве языковых семей мира и является квазиуниверсалией. Славянские языки вместе с литовским являются единственными индоевропейскими языками, где дв. ч. сохранилось

сравнительно долго. По словам автора, у балтийцев и славян длительное функционирование дв. ч. находит прямую параллель в длительном сохранении старой индоевропейской идеологии, связанной с пантеоном парных божеств и близнечным культом. В данной главе упоминается пять монографических исследований, посвященных славянскому дв. ч. (Tesnière, L: *Les formes du duel en slovene*. Paris 1925. — Белић, А.: *О двојини у словенском језицима*. Београд 1932. — Dostál, A.: *Vývoj duálu v slovanských jazycích zvláště v polštině* Praha 1954. — Иорданский, А. М.: *История двойственного числа в русском языке*. Владимир, 1960. — Lötsch, R.: *Die spezifischen Neurungen der sorbischen Dualflexion*. Bautzen 1965).

Монографию А. Белича считает автор до сих пор наиболее полным описанием славянского дв. ч., но все-таки, по его усмотрению, она нуждается в значительных уточнениях. Поэтому необходимо новое обращение к письменным памятникам для описания дистрибуции форм дв. ч., которое было бы возможно более полным и не ограничивалось отдельными более и менее яркими иллюстрациями. Этой проблематике посвящена вторая глава («Праславянское состояние. Исходная система форм двойственного числа в описании А. Белича», с. 9–30). В праслав. эпоху сложились чисто языковые предпосылки устойчивости дв. ч., выразившиеся в расщеплении индоевропейской синкреты на два типа номинации в дв. ч. — количественно-предметную (*бока, колънъ, нѣтъ*) и счетно-количественную (*дѣва брата, дѣвъ ѣ естеству, дѣвъ ѣ земли*). Первый тип имеет остатки в виде нерегулярных плюральных форм у слов, обозначающих парные предметы. Остатки второго типа в современных славянских языках представлены количественно-именными сочетаниями типа *два плода, два брата* в русском, сербском и болгарском языках. Этот тип утрачен зап.-слав. языками, а также в значительной мере вост.-слав. — белорусским и украинским. Праславянской инновацией стало распространение связанного дв. ч. соотносительно со счетно-количественным типом номинации (*дѣву оуши, обу очи*). В др.-русс. яз. оно получило статус двойственного квантитатива.

Развитие дуальных форм в др.-русс. яз. описывается в третьей главе («Раннедревнерусская подсистема форм двойственного числа», с. 31–66). Вначале анализируется склонение праслав. числовых слов **dъva, *oba*. Традиционно эти слова связываются с местоименным склонением. Первое было именем счетной количественности, второе (имеющее значение «тот и другой») имело дополнительное собирательное значение. В им. и вин. падежах было представлено противопоставление мужских и немужских форм. В род. и мест. п. встречались два типа форм — по именному склонению (**obi*) и местоименному склонению (**oboju*). Традиционно вост.-слав. и зап.-слав. формы генетически разводятся: вост.-слав. формы связывают с морфологической аналогией со стороны субстантивного склонения, образование подобных зап.-слав. форм объясняют фонетическими причинами. Для др.-русс. письменности юж.-слав. традиции формы по образцу субстантивного склонения *дѣвоу, обоу* автор считает морфологическими русизмами. Они преобладают в текстах не книжного характера (в берестяных грамотах вовсе отсутствуют формы *дѣвою, обою*).

В др.-русс. яз. происходило развитие дуальных форм: появились дуальные формы 1 л. на *-въ*, 3 л. на *-та* (в отличие от ст.-слав. *-те*); уже упомянутые именные формы числовых форм в род.-мест. пад. *дѣвоу, обоу* или адъективные формы на *-оу*; формы ср. р. на *-а* типа *два села* (**dъvъ selъ*); именные формы вин.-род. пад. со значением одушевленности. Варьирование дистрибутивно-дуальных форм в контекстах с плюральной субъектно-объектной базой являлось источником генерализации ней-

тральных — плюралных — форм. Очень важными для описания истории дв. ч. автор считает показания берестяных грамот, потому что они содержат древние примеры др.-русск. диалектной речи. Употребление в них регулярных форм дв. ч. подтверждает факт его длительного функционирования у восточных славян. При рассмотрении счетных форм засвидетельствовано, что предмет счета после числительных *три, четыре* выступает в форме им. п. дв. ч.

Теоретические положения книги А. Белича о славянском дв. ч. были положены в основу единственного до недавнего времени монографического описания истории дв. ч. в русск. яз., автором которого является уже выше цитированный А. М. Иорданский. В четвертой главе («Динамика двойственного числа», с. 67–100) автор стремится внести значительные коррективы в целый ряд положений в этой книге.

Дв. ч. последовательно употреблялось на протяжении всего р.-др.-русск. периода — с XI до первой четверти XIII в. Предположения И. М. Иорданского о начале ранней (дописьменной) утрате свободного дв. ч. (связанного с парными существительными, насчитывающими свыше 40 слов) и дв. ч. личных местоимений должны быть, по словам автора, отвергнуты как противоречащие свидетельства др.-русск. письменности. Далее ошибочной следует признать отождествление формы им. п. дв. ч. личного местоимения 2 л. *вы* с распадом дв. ч. у личных местоимений. Др.-русск. материал наряду с данными других славянских языков доказывает, что форма **yu* принадлежит исходной праслав. системе.

Утрата дв. ч. в др.-русск. яз. была длительным процессом. Она была, по мнению автора, обусловлена тремя этапами генерализации числовых значений. Первый этап фиксируется текстами рубежа XII–XIII вв. (распространение антропонимических текстовых рядов привело к образованию мн. ч. в конструкциях с двумя сакральными именами). Второй этап завершается ко второй половине XIII в. (формирование обобщенного значения «два, оба и больше» захватило прономинально-вербальное дв. ч. и свободное дв. ч.; появились также спорадически примеры употребления мн. ч. вместо контруэнтного дв. ч. в конструкциях со связанным дв. ч.). Ко второй половине XIV в. завершился третий этап (произошел распад дуальной подпарадигмы и дв. ч. было утрачено). Однако падение дв. ч. не привело к утрате дуальной семантики: она стала выражаться грамматически трансформированной формой — конструкцией двойственного квантитатива (тип *два года*). В древнем украинском и белорусском языках удержались во второй половине XIV в. в им. п. старые дуальные формы жен. и ср. р., тогда как формы муж. р. дв. ч. чередовались с формами мн. ч. Сохранилось, таким образом, функционирование прономинально-вербального дв. ч. (влияние со стороны древнепольского языка).

Вслед за изложениями помещены список источников и сокращений (с. 104–106), список исторических и этимологических словарей (с. 106), список литературы (с. 106–111) и содержание (с. 112).

Алеш Бранднер